

В.А. Вонлярлярский

Все сочинения

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Вонярярский**
Все сочинения: Том 4/ В.А. Вонярярский – М.: Книга по Требованию, 2019. –
407 с.

ISBN 978-5-518-09460-4

В.А. Вонярярский. Все сочинения.
Том 4

ISBN 978-5-518-09460-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БОЛЬШАЯ БАРЬНЯ

Въ отдаленномъ уѣздѣ одной изъ западныхъ губерній, на весьма не живописномъ берегу рѣчки Коморца, и поднесъ красуется усадьба, принадлежавшая нѣкогда Петру Авдѣевичу Мюнабы-Полевелову. Усадьбу эту получилъ Петръ Авдѣевичъ въ наслѣдство отъ отца своего, умершаго въ 18.. году. Петръ Авдѣевичъ служилъ тогда въ одномъ изъ армейскихъ уланскихъ полковъ штабсъ-ротмистромъ, и считался ѣздокомъ. Не имѣя ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, штабсъ-ротмистръ, какъ единственный наслѣдникъ родителя, почелъ за лучшее выйдти въ отставку. Онъ былъ широкоплечій малый, лѣтъ двадцати осьми, роста средняго, съ красными руками и лицомъ довольно обыкновеннымъ. Волосы его были черны и жестки, лобъ малъ, глаза безъ выра; зубы бѣлы и усъ длиннѣе всѣхъ усовъ бригады, въ ко-

торой служилъ Петръ Авдѣевичъ; усъ этотъ начинался подъ носомъ, не останавливаясь проходилъ мимо угловъ рта и терялся подъ самымъ подбородкомъ.

Неожиданная вѣсть о кончинѣ родителя огорчила штабсъ-ротмистра; онъ не плакалъ — это правда; но не проходилъ мимо его ни одинъ офицеръ, ни одинъ лекарь, ни одинъ аудиторъ, которому бы Петръ Авдѣевичъ не сказалъ:

«А знаете ли? вѣдь батюшка-то умеръ! вообразите себѣ.» И высказавъ это, онъ въ задумчивости брался за усъ, тянулъ его внизъ, клалъ его въ ротъ и проходилъ далѣе.

Первую ночь сиротства своего провелъ штабсъ-ротмистръ тревожно; но слѣдующія менѣе тревожно, а чрезъ недѣлю засыпалъ скоро, спалъ крѣпко и просыпался въ обычный часъ. Несправедливо было бы упрекать въ нечувствительности сердце Петра Авдѣевича. Сердце его, съ девятилѣтняго возраста, отдано было, вмѣстѣ съ нимъ, въ одно изъ учебныхъ заведеній и, въ продолженіе очень долгаго времени, билось это сердце на родительской груди одинъ только разъ. Обязанности службы и далекое разстояніе уничтожали всякую возможность частыхъ свиданій сына съ отцемъ, а потому и смерть родителя умеренно поразила дѣтище.

Въ одинъ изъ майскихъ, ясныхъ дней 18.. года, перекладная почта съ тѣмъ остановилась у деревяннаго домика сѣльца Костюкова, Колодезь тожь (такъ звали помѣстье штабсъ-ротмистра); съ тѣлеги соскочили, покрытый грязью, не бритый Петръ Авдѣевичъ, и камердинеръ его, желтовласый дѣтина лѣтъ тридцати. Цѣлыхъ пять лѣтъ не видалъ усадьбы отца своего штабсъ-ротмистръ, цѣлыхъ пять лѣтъ не билось сердце его при встрѣчѣ съ знакомыми мѣстами, съ полуразвалившейся

часовнею, съ толстымъ развѣсистымъ дубомъ, съ деревушкою, служившею предмѣстьемъ Костюкову, съ обрывистою дорожкой, пролегавшею по берегу Коморца, и наконецъ съ самымъ дворомъ усадьбы, отгороженнымъ еловыми кольями отъ фруктоваго сада и хозяйственныхъ строеній. Въ этотъ пріѣздъ Петръ Авдѣвичъ не шепталъ про себя: «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его,» не бросался съ невольнымъ трепетомъ къ рукѣ строгаго и суроваго отца; онъ безъ страха вылѣзъ изъ тѣлеги; но, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ его изобразилась глубокая печаль и онъ не разъ отворачивался отъ прикащика, прежде чѣмъ вошелъ въ прихожую опустѣлаго родительскаго дома.

— Здорово, Кондратій, здорово, Егорычъ, проговорилъ молодой помѣщикъ дрожащимъ голосомъ и цѣлуя въ сѣдую голову шестидесятилѣтняго прикащика, пошлой наружности; прикащикъ, не успѣвшій удержать пойманную имъ невзначай барскую руку, подѣловалъ барина куда-попало и бросился отворять дверь въ залу.

Въ такъ называемой залѣ, то есть небольшой комнатѣ съ пятью окнами, кривымъ поломъ и плетеными стульями, висѣлъ въ зеленой рамкѣ отцовскій портретъ. На немъ изображенъ былъ Авдѣй Петровичъ въ охотничьемъ нарядѣ, съ рогомъ, пороховницею, дробовикомъ, ягдташемъ, ножомъ и арапникомъ черезъ плечо; лице покойника и глаза смотрѣли прямо передъ собою; ноги, обутыя въ длинные сапоги, выворочены были наружу; лѣвою рукою держалъ онъ двуствольное ружье, а правую указывалъ собакѣ на сидѣвшаго въ кусть бекаса, почти одинаковой съ собакою величины. Позади охотника виднѣлись домъ и строеніе Костюкова, а позади строеній художникъ изобразилъ нѣчто среднее между небомъ и землею. Штабсъ-ротмистръ пріостанов-

вился у портрета, пристально посмотрѣлъ на него и, вздохнувъ глубоко, прошелъ въ гостиную, изъ гостиной въ диванную, изъ диванной въ комнату, служившую недавно спальнею Авдѣю Петровичу.

— Я буду спать здѣсь, сказалъ Петръ Авдѣвичъ прикащику, слѣдовавшему молча за бариномъ.

— Слушаю, слушаю, сударь, отвѣчалъ старикъ: покой этотъ....

— Батюшкинъ, прибавилъ штабсъ-ротмистръ: знаю!

— Ловко ли будетъ, сударь?

— Какъ ловко ли? отчего ловко ли?

— Такъ, батюшка Петръ Авдѣичъ, все думается, что скончаться изволили...

— Неужь-то же ты боишься, Кондратій Егоровичъ! замѣтилъ, улыбаясь, штабсъ-ротмистръ.

— Бояться? чего бояться, сударь? жизнь кончили христіански, бояться грѣхъ; а все думается...

— Полно, братъ, мертвые не встаютъ; велика постлатъ мнѣ на этой кровати, вотъ и все. Видѣлъ ли ты сына, Егорычъ? прибавилъ штабсъ-ротмистръ, садясь въ кресла: посмотри какой молодецъ!

— Много доволенъ вашими милостями, батюшка, Петръ Авдѣичъ! воскликнулъ прикащикъ, снова бросаясь къ барской рукѣ: кому же и беречь слугу, какъ не господину; я вашъ слуга.

— И лихой малый, надобно правду сказать, Егорычъ; проворный такой, хватъ; доволенъ очень.

— А довольна ваша милость, и я спасибо скажу, сударь. Что, пьеть онъ, Петръ Авдѣичъ?

— То есть, какъ тебѣ сказать? пить пьеть; кто же не пьеть? и я пью.

— Ну, слава же тебѣ, Господи, повторилъ старикъ съ умилениемъ.

— Разумѣется, случится, выпьетъ, продолжалъ, потягиваясь, штабсъ-ротмистръ: да у меня, знаешь, Егорычъ, пить пей себѣ — слова не скажу, и пьянъ будь — ничего, ну, а ужъ дѣло какое случится, понимаешь?

— Какъ же не понимать, сударь; извѣстно, дѣло случится!....

— Вотъ то-то же; впрочемъ, грѣшно сказать, мальиѣ на все взять; послать ли куда, купить ли что, у полковника вечеръ какой, обѣдъ... принарядится.... одно — на руку не чистъ; положишь оплошно, не прогнѣвайся!

— Что вы, батюшка, упаси же, Господи!

— Небось думаешь у меня? нѣтъ, братъ, за этакое, братъ, дѣло, онъ знаетъ.... ни ни! а вотъ у другаго кого — мое почтеніе!...

— Ну, коли не у васъ, батюшка, Петръ Авдѣичъ, такъ дѣло другое; а господскаго не тронь; не то, не посмотрю, и вы, сударь, не прогнѣвайтесь, такую трепку задамъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, грѣшить не хочу, Кондратій Егорычъ, за моимъ добромъ блюдетъ, какъ слѣдуетъ; нечего пустаго и говорить!... Ну, скажите же, Кондратій Егорычъ, вспоминалъ ли батюшка обо мнѣ, когда умиралъ?

— Какъ же не вспоминать, Петръ Авдѣичъ; вѣдь родное дитя и одни извоили быть у покойнаго барина.

— Какъ же онъ вспоминалъ?

— А вотъ, говорили бывало: гдѣ-то теперь Петруша? чай по фронту, или ученьемъ какимъ заниматься изволить! А въ другой разъ, подъ вечеръ, спросятъ кар-

ты и гадаютъ, все объ вась, батюшка, и скоро ли-де женитесь, и какой тамъ чинъ получите; а кончатся стали-сь сердечные, «воды» говорятъ, воды просили, мучились жаждою и чего не дѣлали; нѣтъ, видно, срокъ пришелъ, сударь, отъ смерти не уйдешь, не спрячешься.

— Посылали ли вы за лекаремъ, Егорычъ?

— За лекаремъ, батюшка? за лекаремъ-то, правда, не посылали; священникъ же, отецъ Аникандръ, былъ, и при самомъ издыханіи все находился при баринѣ!... завидная кончина! Прикащикъ вздохнулъ, окончивъ свое повѣствованіе, а Петръ Авдѣевичъ предался хотя не продолжительному, но грустному размышленію.

Пока баринъ разговаривалъ съ прикащикомъ, камердинеръ вытащилъ изъ перекладной тѣлеги рыжеватый чемоданъ, кожаную сумку, погребецъ, обитый телячьей шкуркой, кулекъ съ колодками, саблю, завернутую вмѣстѣ съ чубукомъ, и пару чудовищныхъ пистолетовъ. Все это разложилъ Улянь (такъ звали камердинера) на досчатомъ крыльцѣ, окруженномъ толпою дворовыхъ женщинъ и дѣтей обоего пола. Когда же, перешаривъ сѣно, камердинеръ отыскалъ остатокъ стамбулки, то вынулъ изъ кармана шароваръ гарусный кошелекъ, досталъ оттуда мѣдный пятакъ, бросилъ его ямщику, потомъ снялъ фуражку и принялся обнимать, поочередно, предстоящую публику, надѣлая каждому тремя полнолѣсными поцѣлуями. Все это происходило въ Костюковѣ, Колодезь тожъ — часовъ около двухъ по полудни. Болѣе получаса употребилъ Петръ Авдѣевичъ на грустныя и тяжкія размышленія и воспоминанія, но желудокъ штабсъ-ротмистра, не принимавшій, повидимому, ни малѣйшаго участія въ скорби сердца, шепнулъ наконецъ, что часъ обѣденный наступилъ давно.

— А что, братъ, Егорычъ, вѣдь поѣсть бы надобно, сказалъ баринъ, обращаясь къ приказчику.

— Какъ же, батюшка, надобно, особенно послѣ дороги.

— То-то, Кондратій; да есть ли у васъ что nibудь?...

— Что вы, сударь, въ господскомъ домѣ, да не найти?... все есть; прикажете позвать Прокофьяча?

— Живъ развѣ?

— Что намъ, старикамъ, дѣлается!

— Такъ позови Прокофьяча, или... постой; вотъ что, Егорычъ: потрудись, любезный, приказать ему сострипать, такъ, что nibудь; супу не нужно, прахъ ли въ немъ, а гуся или уточку.

— Слушаю-съ, слушаю-съ.

— Потомъ ветчинки провѣсной нарѣзать, этакъ, ломтиковъ съ пятокъ, да чтобы сальца не отрѣзывалъ прочь.

— Понимаю-съ, понимаю-съ.

— Или почекъ когда бы достать можно было, такъ селянку, на сковородѣ, съ лучкомъ.

— Слушаю-съ, слушаю-съ, батюшка Петръ Авдѣичъ, извольте быть благонадежны, все прикажемъ мигомъ.

— Пожалуйста, братцы, поторопитесь.

— Слушаю-съ, слушаю-съ, повторилъ приказчикъ, пускаясь бѣгомъ вонъ изъ комнаты, въ которой остался полуутѣшенный Цетръ Авдѣевичъ. Онъ потеръ себѣ руки, потомъ пожевалъ усь и, вставъ съ кресель, принялся осматривать окружавшіе его предметы. Первое, что попало ему на глаза, былъ шкафъ съ книгами. Штабсъ-ротмистръ поспѣшилъ отвести взоръ свой отъ этого слишкомъ живаго воспоминанія чего-то весьма не-приятнаго. Петръ Авдѣевичъ никогда не могъ забыть слезъ, пролитыхъ имъ нѣкогда надъ «Краткимъ изложе-

ніемъ всѣхъ пяти частей свѣта.» Сколько разъ, бывало, въ дѣтствѣ своемъ, штабсъ-ротмистръ стаивалъ за нихъ на колѣняхъ! Сколько разъ, чрезъ посредство покойнаго родителя, представлялся юному Петру Авдѣвичу случай приходять въ соприкосновеніе съ этими драгоцѣнными твореніями, и тогда черты сыновняго лица мгновенно перемѣняли выраженіе, а желудокъ лишался одного или двухъ блюдъ. Въ настоящую минуту штабсъ-ротмистръ удовольствовался тѣмъ, что окинулъ давнишнихъ враговъ своихъ презрительнымъ взглядомъ, и, обойдя шкафъ, углубился въ разсматриваніе нѣсколькихъ картинъ, симметрически развѣшенныхъ между изразцовой печью и дверьми.

Петръ Авдѣвичъ очень хорошо помнилъ, что одна изъ этихъ картинокъ изображала прехорошенькихъ дѣтей, перепуганныхъ внезапнымъ появленіемъ волка. Ему, то есть Петру Авдѣвичу, казалось даже, что у волка этого были красные глаза и темнолиловая шерсть; что лапами звѣрь упирался на одного малютку, въ то время какъ морда его обращена была къ другому звѣрю, прехладнокровно выглядывавшему изъ окна, и что второй звѣрь въ послѣдствіи долженъ былъ спасти несчастныхъ и оказался доброю и вѣрною собакою. Все это помнилъ штабсъ-ротмистръ, но разсмотрѣть не могъ, потому что стекло, покрывавшее картинку, значительно потускнѣло. Петръ Авдѣвичъ поднесъ палецъ ко рту, потомъ потеръ имъ стекло, и дѣйствительно: глаза у волка оказались краснаго цвѣта; тотъ же палецъ поднесъ снова Петръ Авдѣвичъ ко рту и снова потеръ имъ стекло, и темнолиловый цвѣтъ волчьей шерсти вышелъ наружу довольно явственно. Ободренный успѣхомъ, новый владѣлецъ Костюкова продолжалъ трудъ свой, и вскорѣ вся картинка представилась его взорамъ со всѣми по-

дробностями и даже съ надписью. Насмотрѣвшись на добрую и вѣрную собаку, Петръ Авдѣевичъ взглянулъ украдкою на палець, поморщился, потеръ его объ рейтузы, плюнулъ нѣсколько разъ на полъ и, тронувъ мимоходомъ все, что ни попадалось ему подъ руку, прошелъ изъ спальни въ залу, захватилъ фуражку, надѣлъ ее себѣ на голову и вышелъ на крыльце.

Убѣдившись, что въ послѣднее пятилѣтіе на костюковскомъ дворѣ не произошло ни малѣйшей переменъ, и старій бревенчатый амбаръ находился, какъ и прежде, противъ кухни, а молочникъ противъ ледника, штабсъ-ротмистръ сошелъ съ крыльца, повернулъ направо и направилъ стопы свои къ калиткѣ, ведшей въ садъ. Тутъ пристала къ Петру Авдѣевичу худошавая гончая собака, съ отвислымъ животомъ. Петръ Авдѣевичъ погладилъ собаку, прошелъ съ нею весь садъ, остановился на минуту у небольшого пруда, поглазѣлъ на утокъ, бросилъ въ нихъ щепкой, за которой посылалъ было собаку, но собака не повиновалась; треснувъ ее за то ногою, штабсъ-ротмистръ принялъ направленіе къ скотному двору и прочимъ хозяйственнымъ строеніямъ. Скромную костюковскую конюшню, а равно и коровники, нашелъ новыи хозяинъ пустыми: скотъ и лошади паслись въ полѣ. Оставалось заглянуть на псарню и мельницу; въ первой встрѣченъ былъ баринъ лаемъ дюжины дрянныхъ собаченокъ какихъ-то невѣдомыхъ породъ; во второй колеса и крылья были поломаны, а паутина, покрывавшая шестерни, свидѣтельствовала о давнишнемъ ея бездѣйствіи.

Не очень довольный порядкомъ, найденнымъ по хозяйственной части костюковского управленія, Петръ Авдѣевичъ возвратился домой, въ полной надеждѣ, что его встрѣтитъ Кондратій Егоровъ, съ тарелкой подъ

мышкой. Такъ, по крайней мѣрѣ, водилось при покойномъ родителѣ, который не могъ проглотить куска, не убѣдившись предварительно въ томъ, что вся костюковская дворня присутствуетъ при барскомъ обѣдѣ.

Но, ошибся штабсъ-ротмистръ: въ залѣ не замѣтилъ онъ и признаковъ приготовленій къ обѣду. Петръ Авдѣевичъ свистнулъ; никто не являлся; свистъ повторился громче и, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, послышались отдаленные шаги въ сѣняхъ, потомъ въ передней, наконецъ дверь изъ прихожей отворилась и на порогѣ показался не чесаный образъ человѣческій, въ казакинѣ изъ толстаго сукна, въ холстинныхъ панталонахъ и въ сапогахъ съ окнами. По наружности, существо это принадлежало къ числу заштатныхъ служителей помѣщичьихъ домовъ, нисшаго сорта.

— Прокофѣичъ, это ты? воскликнулъ баринъ, узнавъ въ пришлецѣ стараго отцевскаго повара.

— Я, батюшка, Петръ Авдѣичъ! И поваръ, дрягнувъ ногами, отвѣсилъ поклонъ одною только головою.

— Постарѣлъ же ты, братъ! насилу узналъ, ей Богу, насилу узналъ.

— Безъ господъ жизнь плохая, баринъ; дѣло наше таковское, ребятишекъ много; умытъ, одѣтъ нѣкому — мѣсячина самимъ вамъ извѣстно какая! Была коровенка — въ прошлую осень волкъ зарѣзалъ.

— Изготовилъ ли ты мнѣ что нибудь поѣсть, Прокофѣичъ? перебилъ штабсъ-ротмистръ, знавшій наизусть всѣ прошедшія и предчувствовавшій всѣ послѣдующія бѣдствія Прокофѣича.

— Вотъ за этимъ-то я и извоилъ придти, баринъ, отвѣчалъ поваръ, понизивъ голосъ и вытянувъ шею: вѣдь дѣло-то плоховато.

— Какъ плоховато?